

РОССИЯ И МИР В XIX ВЕКЕ

М.-П. Рей

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫРАБОТКИ НОВЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ НОРМ И ОБЫЧАЕВ.

Пер. с французского О.В. Окуневой

Аннотация. В статье речь идет о предпосылках, атмосфере, задачах и результатах Венского конгресса 1814–1815 гг. Анализируются мемуары современников и участников конгресса, донесения венской полиции и т.п. Делается вывод о том, что конгресс был эффективным инструментом по достижению и сохранению мира в Европе.

Ключевые слова: Венский конгресс, Наполеон, Александр I, Меттерних, Талейран, дипломатия.

Рей Мари-Пьер – директор Центра исследований
славянской истории (Университет Париж I Пантеон-Сорбонна).
Электронный адрес: Marie-Pierre.Rey@univ-paris1.fr

M.-P. Rey. The Congress of Vienna as the Platform to Elaborate the New Diplomatic Norms and Customs

Abstract. The article focuses on the background, atmosphere, goals and results of the Congress of Vienna of 1814–1815, analyses memoirs of contemporaries and participants of the Congress, reports to the Vienna police and concludes that the Congress served as the effective instrument to achieve and preserve peace in Europe.

Keywords: the Congress of Vienna, Napoleon, Alexander I, Metternich, Talleyrand, diplomacy.

Rey, Marie-Pierre – Director of the Research Center
for Slavic history (University, Paris 1 Panthéon-Sorbonne).
E-mail: Marie-Pierre.Rey@univ-paris1.fr

Венский конгресс представлял собой основополагающее событие для дипломатии XIX в. Он стал следствием заключительного этапа кампании

против Наполеона¹. Кампания завершилась после трех месяцев ожесточенных боев битвой при Париже 30 марта 1814 г., входом союзников во французскую столицу, первым отречением Наполеона, возвращением короля Людовика XVIII в начале мая и подписанием первого Парижского мирного договора 30 мая 1814 г.²

Договор, возвращавший Францию к ее границам по состоянию на 1 января 1792 г. (с небольшими изменениями), санкционировал также занятие Мальты Англией и переход к последней принадлежавшего Франции острова Маврикий, Сейшельских островов, Тобаго и Сент-Люси, голландских колоний Кейптауна и Цейлона, а также Ионических островов. Договор предусматривал также и ряд других изменений на карте мира. Но даже притом, что в нем рассматривалась в положительном ключе идея объединения германских государств с помощью «федеративных связей» и предусматривался раздел Италии [8, р. 16], эти вопросы не были окончательно решены. В частности, не было определено будущее территорий на левом берегу Рейна, до Французской революции и эпохи Империи, представлявших собой скопление бесчисленных мелких княжеств. Кроме того, договор не урегулировал другие весьма важные вопросы международных отношений: неопределенными оказались судьбы Польши и тех французских территорий, от которых Франция была вынуждена отказаться по Парижскому договору 30 марта 1814 г., дальнейшая участь саксонской династии и династии Мюрата, а также будущность Папской области.

Из всего этого проистекала необходимость созыва «общего конгресса», который должен был состояться в Вене (ст. 32 первого Парижского договора). По мысли тех, кто поставил свои подписи под договором, речь шла о том, чтобы покончить с наполеоновской эпопеей, уладив еще не решенные территориальные вопросы. Речь также шла и о том, чтобы покончить с политической практикой эпохи Наполеона и определить новую расстановку сил на международной арене. Великие державы полагали необходимым гарантировать прочный мир на континенте, выдвинуть новые принципы, которые были бы повсеместно приняты, и выработать новые нормы международного права. Из этого следует, что цели Венского конгресса были весьма амбициозными.

При этом, невзирая на высокие цели, конгресс весьма скоро приобрел незавидную репутацию. В своем венском дневнике швейцарец Жан-Габриэль Эйнар, богатейший финансист, ставший личным секретарем Шарля Пикте

1. Общая панорама этой кампании представлена: [4]. Здесь и далее, если не оговорено иного, примечания автора.

2. Об оккупации Франции в 1814 г. см.: [10; 11]. Издание этой книги на русском языке в переводе А.Ю. Терещенко готовится в настоящее время в издательстве РОССПЭН. – Прим. перевод.

де Рошмона, делегата Швейцарии на конгрессе, заявляет без обиняков: «Конгресс доказал, что в Европе не хватает достойных и заслуженных людей; короли и министры весьма посредственны, и все те, кто жил в Вене в это же самое время, сколь мало бы они ни следили за происходившим здесь, скажут вам то же самое» [5, p. 325].

Во Франции конгресс положил начало настоящей «черной легенде», подержавшейся на протяжении всего XIX в., о якобы слабости, если не сказать предательстве, Талейрана. Он – по мнению, сложившемуся уже после событий, – будто бы пожертвовал интересами Франции в угоду Пруссии (об историографии этого вопроса и о «черной легенде» см. ценную статью: [6]) и повредил возможному франко-русскому союзу, продвигая договор против России от января 1815 г. Были и те, кого не устраивал ход конгресса, кто критиковал в пух и прах «аморальность статистической комиссии». Но эти суровые отзывы не принимают в расчет огромной работы, проделанной конгрессом, и его значительный вклад в сферу дипломатии, геополитики и права. Именно об этом вкладе и пойдет речь в настоящей статье³.

На Венском конгрессе всё принимает необычайный размах: и его длительность (с ноября 1814 по июнь 1815; заключительный акт был подписан 9 июня), и количество представленных на нем государств (216 стран, из них две империи, пять королевств и 209 княжеств), и число участников (500 аккредитованных дипломатов, которых сопровождали жены, секретари, слуги, сюда же нужно добавить полицейских и куртизанок), и значение принятых на нем решений (Венский конгресс полностью перекроил карту Европы), и драматические коллизии, достойные театральной постановки (именно на время Венского конгресса приходятся наполеоновские Сто дней, 1 марта – 18 июня 1815 г.). Венский конгресс – это и официальные заседания, и гул салонных разговоров, и уединенные беседы, не рассчитанные на посторонних, и торжественные приемы, и пышные празднества в стороне от политических дискуссий. Но это еще и большая организационная работа по созданию комиссий и комитетов, и начало эры профессиональной дипломатии в современном смысле слова. Не случайно многие нынешние дипломаты (здесь нельзя не назвать Генри Киссинджера и его «Дипломатию» [7]; издание на русском языке: [1]. – *Пер.*, в которой Венскому конгрессу посвящен обстоятельный и подробный раздел) обращаются к Венскому конгрессу в своих многочисленных монографиях и статьях.

Чтобы попытаться дать представление о конгрессе в целом, необходимо, в первую очередь, остановиться на весьма своеобразной атмосфере, в которой он проходил. Затем я обращусь к задачам конгресса в геополитическом

3. Подробное освещение работы конгресса представлено также: [15; 12].

и политическом плане и к тем личностям, которые сыграли на конгрессе ключевую роль. Заключительная часть статьи будет посвящена основным результатам, достигнутым конгрессом: и их значению, и – одновременно с этим – их неоднозначности, если не сказать порой и двусмысленности.

Атмосфера конгресса

Поскольку на конгресс съехались принцы, принцессы и всевозможные аристократы, рабочие заседания, в которые с полной отдачей включились дипломаты, перемежались светскими приемами и празднествами (среди них выделялись ослепительные концерты, в том числе концерт по случаю открытия конгресса, данный Бетховеном), зваными ужинами, балами-маскарадами и обычными балами, театральными спектаклями и оперными постановками. А.И. Михайловский-Данилевский, адъютант Александра I, приехавший в Вену 12 сентября 1814 г. и оставивший историкам весьма ценный дневник о своем пребывании там, так описал один из дней конгресса (20 декабря 1814 г.):

«Венский двор неистощим в выдумках увеселений и праздников. Недавно был карусель⁴, которому подобного я никогда не видал. Он происходил в самом большом и красивом манеже, какой есть в Европе, в присутствии всех монархов и многочисленной публики, между которыми находились почти все знаменитейшие наши современники. Сражающиеся рыцари были из лучших дворянских фамилий, а подобно австрийскому дворянству в Европе нет, одетые блестящим образом на прекраснейших лошадях. У каждого рыцаря была дама его мыслей и сердца, как то водилось в старину; они сидели напротив Государей, украшенные таким множеством драгоценных камней, что для глаз было больно долго на них смотреть.

С некоторого времени завелся при дворе театр, на котором играют молодые люди лучших фамилий... Недавно представляли французскую комедию под заглавием: “Девичье училище в Сюрене”... в котором одним из актеров был наш генерал-майор граф Потоцкий; а на театре в доме княгини Багратионовой, где присутствовали все почти монархи, играл генерал-адъютант граф Ожаровский. Странно видеть русских генералов, переодетых в арлекинов» [3, с. 136–137].

Пристрастие участников конгресса к празднествам, спектаклям и любовным интригам сообщало ему репутацию легкого и беззаботного действа; это же впечатление подтверждали карикатуры и сатирические гравюры. Вечера проходили в балах, концертах и прочих увеселениях. Острота принца де Линя

4. Карусель – здесь: конно-спортивный турнир с элементами театрального действия.

«конгресс танцует, но не двигается с места»⁵ дает представление о язвительных замечаниях, которые конгресс вызывал у современников. С легкостью завязываются интриги и любовные связи, куртизанки и шпионки соперничают в обольстительности, и за всеми ними неотступно следит венская полиция и ее многочисленные агенты; шпионаж, агентурная разведка и контрнаблюдение правят бал.

Чтобы быть в курсе малейших действий и жестов коронованных особ, дипломатов и членов их семей, полиция Меттерниха прибегает ко всевозможным способам и уловкам: письма и записки перехватываются; выброшенные черновики извлекаются из корзин для бумаг и тщательно переписываются; светских дам и дам полусвета щедро вознаграждают за сведения, к замкам от апартаментов, сундуков и потайных шкафов подбираются ключи. Все средства хороши, чтобы выведать самые потаенные мысли и поступки гостей австрийского императора⁶.

Среди этих гостей особый интерес вызывает Александр I. Этому способствуют многие факторы – и прежде всего численность русской делегации. В ее составе 53 человека, это самая многочисленная из всех миссий, что делает ее особенно уязвимой перед интригами. Интерес подогревает личная роль царя в ключевых геополитических вопросах. И наконец, личность Александра, чувствительного к женским чарам: во время своего пребывания в Вене император порхает по салонам, а за ним неотступно наблюдают во все глаза, пока он находится в австрийской столице. Донесения венской полиции сохранили множество сообщений о политических и геополитических вопросах. Так, в частности, в конце сентября 1814 г. глава венской полиции пишет Меттерниху о польских делах:

«Я только что узнал из частного, но заслуживающего всяческого доверия источника, несколько деталей, в которые Ваша Светлость непременно должны быть посвящены [...] Император России, несмотря на все испытываемые им трудности и противоречия, придает огромное значение проекту учреждения в Польше конституционной монархии под своей верховной властью; он настолько погрузился в этот проект, что дает понять, будто хочет присоединить к этому королевству прежние польские провинции, доставшиеся ему по последним разделам [Польши]. Таким образом, по этой важнейшей статье будут

5. Эту остроту подхватил «Монитор» в номере от 3 декабря 1814 г., и затем она часто повторялась и в многочисленных мемуарах, и в исторических исследованиях. – Прим. авт. Русский современник, присутствовавший на конгрессе, передал эту остроту следующим образом: «Каково идет Конгресс»? – спросили у принца де Линя. – «Он не идет», отвечал Принц, «а пляшет» [2, с. 47]. – Прим. перевод.

6. Я адресую здесь читателя к важнейшему историческому источнику – двухтомному сборнику донесений венской полиции [14].

РОССИЯ И МИР В XIX ВЕКЕ

затруднительные и щекотливые переговоры и непросто будет вычислить, чем обернутся эти осложнения. В любом случае, к войне это не приведет. Вот то, на что вы твердо можете рассчитывать. Но никто в мире не в состоянии предсказать на сегодняшний день, кто из сражающихся на этом дипломатическом ристалище одержит победу или каким образом будут согласованы различные мнения» [14].

При этом наблюдение не ограничивается политическими и геополитическими вопросами; под прицелом остается и личная жизнь императора, составляющая предмет подробнейших донесений. В частности, в середине октября 1815 г. сообщается следующее:

«Он [Александр I] танцует и много беседует с [дочерью принца] Морица Лихтенштейнского и молодой Сечени; обе полагают, что завлекли его в свои сети, но другие считают, что как и во Франкфурте и других местах для Александра речь идет не более чем о кокетстве.

На самом деле, с тех пор как он здесь, он провел несколько ночей только у [княгини] Багратион⁷. Может быть, еще Чернышев⁸. Я сам лично слышал то, что он по этому поводу конфиденциально говорил Александру; он также раздосадован для него несколько девиц легкого поведения» [14, р. 318].

В начале октября тот же агент венской полиции столь же многословно доводит до сведения Меттерниха слова Александра, сказанные «той самой» княгине Багратион:

«Княгиня Багратион не смогла удержаться от того, чтобы поведать то, о чем будет сказано дальше, особе, пользующейся ее полным доверием. Остается узнать, всё ли правда из того, что она говорит, но так как различные вещи достаточно согласуются с характером Александра (так в тексте. – М.-П. Р.) и ее слова подтверждаются на практике, я расположен считать, что она не придумала».

7. Княгиня Е.П. Багратион, урожденная графиня Скавронская, известная в придворных кругах Европы своей красотой, беспечным нравом и романами с высокопоставленными лицами. В оригинале донесения имя княгини сопровождается артиклем – это непереводаемый, но действенный способ выразить невысокое мнение о той или иной особе. Даже в наши дни во Франции публично добавить к имени или фамилии женщины артикль значит подпустить шпильку, граничащую с оскорблением. Так, во время президентской кампании Сеголен Руайаль в 2007 г. французские средства массовой информации широко обсуждали вопрос, сознательно или нет одна из ее соперниц по Социалистической партии назвала ее «la Ségolène». – Прим. перевод.

8. Вероятно, граф Г.И. Чернышев, при Екатерине II исполнявший ряд дипломатических поручений, а в 1816 г. получивший церемониальную придворную должность при дворе Александра I; был известен расточительным образом жизни и пристрастием к литературе и опере. – Прим. перевод.

мала их в разговоре со своим доверенным лицом, от которого я имею эти сведения.

Говоря о князе Меттернихе, Александр пожелал узнать историю его связи с княгиней и обстоятельства их охлаждения; в настоящий момент он выглядел полностью очарованным герцогиней Саган.

Затем Александр сказал княгине: «Меттерних никогда не любил ни вас, ни эту Саган (так в тексте. – М.-П. Р.)⁹. Поверьте ему, он холодный человек. Он не любит ни одну, ни другую. Это создание с холодной кровью. ...С этим своим лицом, подобным гипсовой маске, он никого не любит».

Говоря о пресловутой Саган, император сказал, что было сделано всё возможное, чтобы она ему понравилась. «Меня даже разместили с ней наедине в одной карете, но они не добились своего. Я люблю чувства, но мне надобен и ум с остроумием» [14, р. 205].

6 декабря 1814 г. агенты Меттерниха написали в своем докладе следующее (и отделить правду от вымысла здесь невозможно):

«Прошлой ночью Александр оставался до трех часов ночи у княгини Багратион. Говорят, что он еще болен (венерической болезнью) и что княгиня ставит ему припарки и делает перевязки» [14, р. 647].

Этим ретивым агентам венской полиции будет много хлопот еще с двумя персонажами: англичанином Кастельро (очень часто он сам пишет свои письма, а не диктует их, и рассылает их с собственными курьерами) и французом Талейраном, чья резиденция недоступна для постороннего взгляда. Но и здесь, невзирая на все препятствия, полиция Меттерниха продемонстрировала прямо-таки устрашающую эффективность. Многие десятки писем Кастельро всё же оказались перехвачены агентами Меттерниха. И даже Талейран не ускользнул от этих весьма профессиональных ищеек.

«Любой, кто хоть немного знаком с характером Талейрана и, помимо этого, даст себе труд представить расположение и устройство его жилища, тут же поймет всю сложность устройства серьезной слежки за князем, за его поступками и жестами. Дом сейчас представляет собой ни больше ни меньше крепость, в которой он держит гарнизон из тех лишь людей, которых полагает надежными. Несмотря на это, нам всё же удалось в конце концов перехватить некоторые бумаги, исходящие из его кабинета. Кроме того, нам удалось склонить на свою сторону старого слугу, которому уже довелось быть на службе у трех послов Франции, а также одного охранника или посыльного при канцелярии, благодаря которому мы сумели раздобыть несколько разорванных бумаг, находившихся в кабинете самого Талейрана» [14, р. 326–327].

9. Вильгельмина Саган, внучка Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны, хозяйка известного светского салона и соперница Е.П. Багратион. В оригинале донесения имя герцогини также сопровождается артиклем. – Прим. перевод.

Если судить по донесениям венской полиции, высшие дипломатические круги только и делали, что танцевали и предавались светским развлечениям. Однако на самом деле дипломаты отнюдь не забывали об основной задаче Венского конгресса, собственных полномочиях и необходимости эффективной работы. А.И. Михайловский-Данилевский приводит по этому случаю характерное стихотворение, сложенное в честь уже упоминавшегося полувоенного-полуспортивного ристалища, «карусели» 20 декабря 1814 г.:

*Друзья, да здравствует танец,
Если мы обязаны ему миром,
Лишь бы за этот танец
Не пришлось бы расплачиваться нам самим.
Но если всю зиму мы протанцуем,
То, как говорят, вполне может стать так,
Что весной мы закружимся в танце
Под громкую музыку пушек [3, с. 144]¹⁰.*

Эти стихи, конечно, вызывают улыбку. Однако они свидетельствуют: участники Венского конгресса развлекаются, но при этом полностью отдают себе отчет в том, что цель их работы – длительный и устойчивый мир на континенте.

Участники и основные цели конгресса

На Венском конгрессе было представлено 216 делегаций. Однако они не были равнозначны ни по своему политическому весу, ни в количественном отношении. Как уже упоминалось, представительство России было самым многочисленным и составляло 53 человека, делегация Пруссии – 46, Великобритании – 25, Франции – 15¹¹. При этом сразу несколько микроскопических государств могли быть представлены одним и тем же дипломатом. На конгрессе собрались видные дипломаты своего времени: Меттерних (Австрия), Талейран (Франция), лорд Кастельро, затем герцог Веллингтон, затем лорд Кланкарти (Великобритания), князь фон Гарденберг и барон фон Гумбольдт (Пруссия), граф Лёвенгельм (Швеция) и Ганс Рейнгард в сопровождении Пикте де Рошмона (Конфедерация 22-х швейцарских кантонов). Что же касается России, то представлял ее император: Александр I был единственным монархом, принимавшим непосредственное участие в работе конгресса. Однако он прибегал к консультациям и помощи князя А.К. Разумовского, бывшего посла в Вене, графа Г.О. фон Штакельберга (посла в Вене в момент

10. Цитируемая песенка приведена в мемуарах на французском.

11. Эти цифры приведены Тьерри Ленцем [8, р. 52].

проведения конгресса), вице-министра К.В. Нессельроде, барона д'Анстетта и двух своих главных дипломатических советников – К.О. Поццо ди Борго и И. Каподистрии. К 216 делегациям государств необходимо добавить еще несколько десятков групп, занимавшихся, как мы бы сказали сейчас, лоббированием, поэтому в целом речь может идти о трех сотнях делегаций.

В ходе Венского конгресса состоялось лишь два пленарных заседания: первое при открытии прений (3 ноября 1814 г.) и второе, заключительное, при подписании финального акта (9 июня 1815 г.). Очевидно, что представители четырех держав-победительниц – Австрии, Пруссии, Великобритании и России – задавали тон прениям. Накануне открытия конгресса и во время первых заседаний Франция, подобно парии, держалась в стороне. Однако талант, ловкость и дипломатические способности Талейрана положили конец этому ostracismu, и с января 1815 г. Франции позволили заседать вместе с державами-победительницами (мы еще вернемся к этому вопросу).

Итак, органом, оказавшим наибольшее влияние на работу конгресса, была комиссия Четырех, преобразованная в комиссию Пяти с января 1815 г. Была также и комиссия Восьми (пять стран плюс Испания, Португалия и Швеция, которым было дозволено участвовать в некоторых прениях на правах победительниц). Однако появились и специально назначенные для определенных дел комитеты (комитеты *ad hoc*). Некоторые из комитетов рассматривали территориальные дела (комитет по делам Германии, конференция по вопросу Германской конфедерации, по делам Швейцарии, по делам Генуи, Тосканы, герцогства Бульонского и др.). Другие занимались тематическими проблемами (конференция по отмене работорговли, комиссия по вопросам свободы речного судоходства, комиссия по вопросам рангов и старшинства, статистическая комиссия – ей выпала сложная и требующая особого внимания задача по подсчету населения тех или иных земель, чтобы затем приступить к территориальным переделам). Наконец, составлением собственно решений конгресса занималась специальная редакционная комиссия.

Пока продолжалась борьба с Наполеоном (и в 1813, и в 1814 гг.), коалиция, сплотившаяся против «тирана», сохраняла свое единство. Ее участники находили между собой общий язык. Однако стоило императору французов потерпеть поражение, как единство союзников пошатнулось.

Разумеется, они продолжали разделять некоторые общие для себя, дорогие их сердцу принципы. К ним, в частности, относится принцип «равновесия», который породит понятие «европейского концерта наций»¹². А также дипломатию конгрессов, на которых претензии и тяжбы улаживались бы в многостороннем порядке; этот принцип и эти понятия обеспечат Франции

¹² *Подробнее об этой проблематике см. очень ценную работу: [13].*

ее долю величия в XIX в. В отличие от пруссаков, движимых в Вене чувством мести, представители Австрии, Великобритании и России будут стремиться «установить как можно более совершенное политическое равновесие между великими державами» [9, р. 200] – и подобная установка в ходе переговоров станет преобладающей. Второй принцип – принцип «легитимности», выдвинутый для того, чтобы позволить европейским «законным династиям» вернуться на свои престолы. Однако это возвращение не означало, что короли непременно будут править своими странами в их границах до начала военных действий (*status quo ante*). Так, реставрация Бурбонов во Франции не означала восстановления в стране абсолютной монархии эпохи Старого порядка, поскольку с введением Конституционной хартии 1814 г. речь шла уже об иной форме правления.

Одновременно с этим уже с самого начала конгресса наметились линии раскола. По некоторым вопросам державы не просто разошлись во мнениях, а заняли кардинально противоположные позиции.

Так, австрийская дипломатия, возглавляемая Меттернихом, верховным церемониймейстером всего конгресса, стремилась поскорей изгладить из памяти тот факт, что длительное время она занимала двусмысленную позицию по отношению к наполеоновскому режиму. Австрия стремится вернуть себе центральное положение на европейском континенте: с одной стороны, пытаясь расширить свои владения в Италии, Германии (там она столкнется с Пруссией) и на Балканах, а с другой – пытаясь противостоять амбициям Российской империи в Польше.

Что касается Александра I и его дипломатических советников, то они не доверяли Великобритании. Англичан упрекали в стремлении главенствовать на морях, принимая позу «благородного» отказа от территориальных претензий, кроме претензий колониальных. При этом Россия предъявляла свои преимущественные права на Польшу, обосновывая притязания своей победой над Наполеоном в 1812 г. и решающим вкладом в дальнейшую антинаполеоновскую кампанию. Напротив, Австрия, Великобритания и Франция не собирались предоставлять России полную свободу действий в Польше. Наконец, Пруссия при поддержке России предъявляла претензии на Саксонию – к великому неудовольствию Великобритании и Франции. Последняя весьма опасалась единого германского государства у своих границ.

Противоречиями союзников по саксонскому и польскому вопросам не преминул воспользоваться Талейран: тонко и цинично играя на этих разногласиях, он сумел вернуть Францию в разряд ключевых игроков и покончить с ее статусом парии. 3 января 1815 г. между Францией, Великобританией и Австрией был подписан секретный договор об оборонительном союзе против России и Пруссии. Рассказывая о своих усилиях Людовику XVIII, Талейран не без гордости так описал его свой ловкий ход:

«В настоящий момент, сир, коалиция распущена и таковой навсегда и останется. Не только Франция перестала быть изолированной в Европе, но и Ваше Величество уже может располагать федеративной системой, которую, казалось, и пятьдесят лет переговоров не смогли бы обеспечить» [9, р. 137].

В действительности в этот момент угроза войны, которой оправдывалось заключение договора 3 января 1815 г., была неактуальной. Никто в Вене не собирался бряцать оружием, усталость от войны была слишком велика. 8 февраля 1815 г. Пруссия была вынуждена признать свои новые границы: ее всячески поощряли отказаться от притязаний, а русская сторона еще и побуждала прийти к компромиссу (конец января 1815). Эти новые границы «передвинули» Пруссию ближе к западу: с точки зрения демографии и количества квадратных километров ее территория была эквивалентной той, что были у Пруссии в 1805 г., но отныне эта территория была рассечена на две части коридором шириной в 40 км. Фридрих-Август укрепился на саксонском престоле, но страна, которой он правил, уменьшилась на 40%. В тот же день, 8 февраля 1815 г., был окончательно решен и польский вопрос (в той форме, которая была не так уж далека от четвертого раздела Польши – по аналогии с тремя разделами Польши в XVIII в.).

В этом вопросе Александр I в значительной степени получил желаемое, но и здесь существовал ряд важных ограничений. В частности, Александр сохранил большую часть прежнего Варшавского герцогства, что позволяло ему контролировать Варшаву и центральный бассейн Вислы; он получил также право называться королем Польским. Однако в обмен ему пришлось уступить северо-западные регионы (в том числе Познань и Калиш, 810 тыс. человек) Пруссии, а западную Галицию (область Тарнополя, 400 тыс. человек) – Австрии¹³; Краков становился вольным городом. Кроме того, в договоре признавалось, что несмотря на новое территориальное деление, польская нация представляла собой единую историческую общность; в ст. V договора провозглашалось право поляков на национальные и представительные институты (это же положение будет повторено в ст. I заключительного акта Венского конгресса). В договоре также провозглашалась благотельность свободы обменов и торговли между различными польскими регионами. Таким образом, международное сообщество официально вписало в дипломатический документ положение о праве поляков на представительное правление и оставило открытым вопрос о возрождении в будущем национального польского государства.

13. Помимо этого, Австрия получила Иллирию, Тироль, Ломбардию и Венецию, восстановив свои позиции на итальянских землях.

Если на протяжении февраля 1815 г. два важных дипломатических вопроса находили мало-помалу свое решение, то будущее Италии и германской конфедерации оставалось еще туманным. В этот момент на конгрессе стало известно о высадке Наполеона в Гольф-Жюан на средиземноморском побережье Франции. Новость вызвала содрогание: эта высадка вновь меняла расклад сил, к великому разочарованию Талейрана. Возвращение Наполеона немедленно заставило сплотиться участников антифранцузской коалиции; договор от 2 января 1815 г., шедевр дипломатической ловкости Талейрана, оказался не у дел, а конгресс ускорил свою работу, и 9 июня 1815 г. был подписан его финальный акт.

Основные решения конгресса

Французский вариант финального акта Венского конгресса состоял из 121 статьи. Среди них, как мы уже видели, были решения, относящиеся к переделу и установлению новых границ ряда государств. Венский конгресс здесь следовал духу и логике первого Парижского договора 30 мая 1814 г.¹⁴, подтвердив его решения о создании буферных государств, призванных «сдерживать» французскую и, в меньшей степени, русскую угрозу. Этим объясняется создание королевства Нидерландов к северу от Франции, усиление Пруссии за счет рейнских владений у восточных границ страны и укрепление Пьемонта-Савойи на юго-востоке Франции. Параллельно с этим была создана новая германская Конфедерация из 39 немецких государств с общим представительным федеральным органом во Франкфурте; она блокировала бы Россию на западе. Были также гарантированы независимость, суверенитет и нейтральный статус Швейцарии: в этом вопросе Александр I последовательно поддержал позицию, отстаиваемую его бывшим наставником, швейцарцем республиканских взглядов Лагарпом.

Помимо территориальных вопросов, на конгрессе были приняты и другие решения. Была регламентирована свобода речного судоходства в Европе (реки, протекавшие по территории государств, были признаны их общим достоянием), а также, благодаря согласованным усилиям Великобритании и России, было принято моральное осуждение торговли африканскими рабами¹⁵.

Финальный акт Венского конгресса подписали не все европейские государства (в частности, среди подписавших не было Папского государства

14. После битвы при Ватерлоо второй Парижский мирный договор (подписан 20 ноября 1815) вновь уменьшил границы Франции, приведя их к состоянию на 1790 г. В этот момент союзникам по антинаполеоновской коалиции уже было не до благодушия и успокоенности.

15. Речь на этом этапе шла об осуждении самого принципа работорговли, но пока не об осуждении рабства.

и Османской империи), однако это не умаляет значения итогового текста. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о тексте совершенно иной природы: вместо множества двусторонних договоров предпочтение было отдано, по настоянию Великобритании, коллективному заключительному акту, накладывавшему обязательства на всех, его подписавших. Символическое значение такого текста, разумеется, было очень большим.

Решения Венского конгресса не были совершенными. Уязвимыми для критики оставались некоторые из принятых решений, а также установка на стабильность, зачастую понятая как частичное возвращение прежних порядков в ущерб новым динамичным тенденциям. Тем не менее Венский конгресс способствовал не только установлению новых границ и проведению в жизнь новых принципов равновесия и легитимности, но и выработке новых международных норм. Отныне приращение территорий или иные изменения территориального статуса утверждались не силой или угрозой применения силы, а исключительно договорами на основе юридических норм, принимаемых всеми участниками. Делался шаг к тому, чтобы согласованность действий между европейскими странами стала нормой.

После бурных лет Французской революции и Империи эти новые правила должны были обеспечить Европе многие десятилетия мирной жизни. И если при этом на континенте в XIX в. всё же вспыхивали отдельные войны – двусторонние или региональные – почти столетие удавалось избежать всеобъемлющего военного конфликта. Практика созыва международных дипломатических конгрессов (Парижский конгресс 1856 г., Берлинский конгресс 1878 и 1885 гг.) стала успешным предохранительным клапаном общеевропейской истории и с этой точки зрения Венский конгресс – прародитель этой европейской системы, представлял собой эффективный инструмент по достижению и сохранению мира.

Библиография

1. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 903 с.
2. Михайловский-Данилевский А.И. Записки 1814 и 1815 годов А. Михайловского-Данилевского, бывшего флигель-адъютанта Государя Императора Александра Павловича. СПб., 1841. 252 с.
3. Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары, 1814–1815 гг. СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, 2001. 400 с.
4. Boudon J.-O. 1814, la campagne de France. Paris: Belin, 2014. 365 p.
5. Eynard J.-G. Au Congrès de Vienne. Journal de Jean-Gabriel Eynard / Publié avec une introduction et des notes par Édouard Chapuisat. Paris: Plon Nourrit et Cie, 1914. 338 p.
6. Kerautret M. Quelques réflexions sur l'historiographie française du Congrès de Vienne // *Napoleonica. La Revue*. 2015. N 1 (22). P. 87–103.
7. Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon and Schuster Paperbacks, 1994. 912 p.
8. Lentz T. Le Congrès de Vienne, une refondation de l'Europe. 1814–1815. Paris: Perrin, 2013. 400 p.

9. Metternich C.W.L. de. Mémoires, Documents et écrits divers laissés par le prince Metternich. Paris, 1880–1884. T. 1. 545 p.
10. Rey M.-P. 1814, un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 2014. 329 p.
11. Rey M.-P. 1814, un Tsar à Paris. Paris: Champs Flammarion, 2015. 325 p.
12. Schroeder P.W. The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1994. 894 p.
13. Soutou G.-H. L'Europe de 1815 à nos jours. Paris: PUF, 2007. 515 p.
14. Weil M.-H. (ed). Les *dessous* du Congrès de Vienne: d'après les documents originaux des archives du Ministère impérial et royal de l'intérieur à Vienne. Paris: Payot, 1917. T. 1–2.
15. Zamoyski A. Rites of Peace: The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. New York: Harper Collins, 2007. 634 p.

References

- Boudon J.-O. 1814, la campagne de France. Paris: Belin, 2014. 365 p.
- Eynard J.-G. Au Congrès de Vienne. Journal de Jean-Gabriel Eynard / Publié avec une introduction et des notes par Édouard Chapuisat. Paris: Plon Nourrit et Cie, 1914. 338 p.
- Kerautret M. Quelques réflexions sur l'historiographie française du Congrès de Vienne // *Napoleonica. La Revue*. 2015. N 1 (22). P. 87–103.
- Kissindzher G. Diplomatiya. Moscow: Ladomir, 1997. 903 p.
- Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon and Schuster Paperbacks, 1994. 912 p.
- Lentz T. Le Congrès de Vienne, une refondation de l'Europe. 1814–1815. Paris: Perrin, 2013. 400 p.
- Metternich C.W.L. de. Mémoires, Documents et écrits divers laissés par le prince Metternich. Paris, 1880–1884. Vol. 1. 545 p.
- Mihajlovskij Danilevskij A.I. Zapiski 1814 i 1815 godov A. Mihajlovskogo-Danilevskogo, byvshego fligel'-ad'jutanta Gosudarja Imperatora Aleksandra Pavlovicha. Saint Petersburg, 1841. 252 p.
- Mihajlovskij-Danilevskij A.I. Memuary, 1814–1815 gg. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Rossijskoj nacional'noj biblioteki, 2001. 400 p.
- Rey M.-P. 1814, un Tsar à Paris. Paris: Champs Flammarion, 2015. 325 p.
- Rey M.-P. 1814, un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 2014. 329 p.
- Schroeder P.W. The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford: Clarendon Press, 1994. 894 p.
- Soutou G.-H. L'Europe de 1815 à nos jours. Paris: PUF, 2007. 515 p.
- Weil M.-H. (ed). Les *dessous* du Congrès de Vienne: d'après les documents originaux des archives du Ministère impérial et royal de l'intérieur à Vienne. Paris: Payot, 1917. Vol. 1–2.
- Zamoyski A. Rites of Peace: The Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. New York: Harper Collins, 2007. 634 p.